МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
К-9, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Москва

- 7 ИЮЛ 1981

наши гости

Сальваторе АДАМО

СПАСИБО ЗА РАДОСТЬ ВСТРЕЧИ

«Падает снег. Ты не придешь сегодня вечером. Падает снег, но сердце полно надежды...»

Снег падает уже девять зим с тех пор, как в Москве впервые услышали и увидели Сальваторе Адамо. Тогда за его плечами было двадцать девять прожитых лет, двенадцать записанных «золотых» дисков и слава «лучшего шансонье» и «самого поэтического певца» Европы. Теперь «золотых» дисков стало восемнадцать, лет и международных премий тоже прибавилось, а все остальное осталось без изменений.

— Спасибо, но это не совсем точно,— сказал Сальваторе Адамо, когда мы встретились с ним в гостинице «Метрополь».— Во-первых, появились новые песни, и их число достигло теперь трехсот. Во-вторых, на сей раз в Москву приехало четверо Адамо: жена, сын, я и мой брат, который играет на гитаре в моем ансамбле. И, в-третьих, шесть месяцев назад на свет появился пятый Адамо, который по причине своей глубокой молодости остался в Брюсселе.

— Вы привезли новые песни. Какая из них ваша любимая?

— Их две: «Если бы ты была» и «Мануэль». Первая — о любви. Это одна из главных тем моего творчества. Я отношусь к ней очень серьезно и стараюсь, чтобы мои песни о любви имели столько же оттенков, сколько имеет это чувство.

Вторая песня посвящена моему другу, испанскому журналисту. Я написал ее еще до того, как умер Франко. В этой песне — история человека, который ищет свободу, что в те времена было в Испании, как вы знаете, нелегким делом.

— Я слышал вашу песню «Нет больше «звезд» в Голливуде». Вы не считаете самого себя «звездой» эстрады?

— В жизни я всегда стремился к тому, чтобы между мной и зрителями не было никакой дистанции. Когда я отправился в Голливуд, то ожидал увидеть там кипение и блеск жизни, а не обнаружил ничего, кроме печали и серости. И тогда я понял, что миф о «звездах» Голливуда канул в прошлое. В своей песне я говорю, что Джон Вайсмюллер — «Тарзан» — умирает в нищите и безвестности, что люди очень быстро забывают своих кумиров.

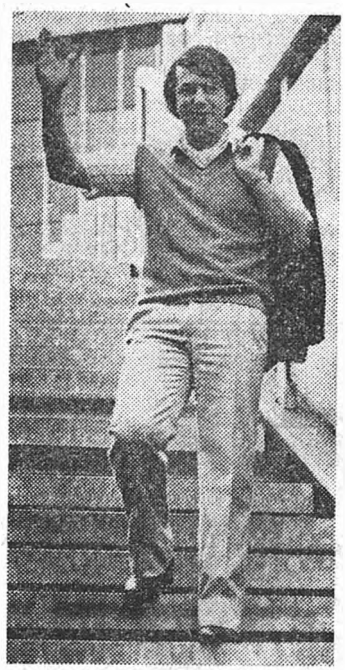
— Вы мечтали стать певцом?

— Никогда. Лет до шестнадцати я грезил футболом. Потом изучал в университете иностранные языки, готовился стать преподавателем. А музыка и песня были в нашей семье чем-то само собой разумеющимся, естественным. Отец мой был шахтером, но сам пел превосходно, душа у него была музыкальная, артистическая. С его легкой руки у нас и пошло.

Мальчишкой я уже пел и писал стихи. Для себя, конечно. Первую гитару подарил мне дед — дешевую, простенькую, которую храню теперь дома как реликвию.

— Какие качества вы цените в людях и какие не любите?

— Ценю честность и искренность. Не люблю лицемерия и ханжества. Вообще



в мире сейчас много проблем, которые не могут вызывать никаких других чувств, кроме сожаления и горечи. Как бы то ни было, я твердо убежден в том, что на земле не должно быть места войнам. Если я могу произнести слово в защиту мира, то стараюсь делать это своими песнями. Я часто пою о надеждах, которые питают люди. А они питают надежды на мир, на справедливость.

— Какие чувства владеют вами, когда открывается занавес и вы выходите к публике?

— По природе своей я человек довольно робкий. Но едва я выхожу на сцену, как становлюсь иным. Словно во мне рождается другой человек. Я чувствую в себе силу, какой не знаю в жизни. И эта сила помогает мне выразить то, что я хочу передать публике.

— Концерт — это своего рода кульминация вашего рабочего дня. А каков его распорядок у профессионального эстрадного певца?

— Мой распорядок дня — это отсутствие распорядка. Моя профессия отдает меня в распоряжение публики и... прессы. Да и может ли быть иначе, если здесь, в Москве, мои концерты начинаются в половине восьмого вечера, в Париже — в девять, в Японии считалось нормальным в одиннадцать утра, а в Испании я однажды вышел на сцену в четыре часа утра, что было для присутствовавших естественным продолжением предыдущего вечера.

Что касается свободного времени, то, когда оно выпадает, люблю поиграть в футбол, почитать или сходить в кино. Ну, а воспитание детей — это то, что всегда с нами, хотя не могу не признать, что этим занимается в основном моя жена и, на мой взгляд, весьма успешно. Посмотрите на двенадцатилетнего Тони... Это не сын певца Адамо. Это Антони Адамо со своими привычками, взглядами на жизнь, со своим характером. Он не хочет быть певцом. Он хочет быть конструктором самолетов.

— Вы пишете и слова, и музыку к своим песням. Что рождается раньше?

— Я это не разделяю. Я считаю, что песня — это лучший проводник поэзии. Песня стала в последние годы очень популярным средством выражения человеческих чувств. Думаю, что если бы жили сейчас Рембо, Бодлер или Гарсиа Лорка, то они были бы не только поэтами, но и певцами. Да, да, я уверен, что Рембо взял бы в руки гитару...

— А киннематограф? Какое место вы отводите ему в вашем творчестве?

— Он у меня на втором плане. Когда я на сцене, то полностью отвечаю за то, что и как пою. А когда я на съемочной площадке, то за все отвечает режиссер фильма; я инструмент в его руках. Хорошо, когда образ, в который мне предлагают войти, совпадает с моим личным образом. В противном случае возникают сложности...

— Какими остались в вашей памяти прошлые гастроли в нашей стране?

— Яркими, сердечными. Ваша публика исключительно восприимчива и музыкальна. Для артиста очень важно чувствовать, что он с залом на одной волне, что публика понимает, о чем он поет, не по словам песен, а по внутреннему голосу исполнителя. Такое взаимопонимание с вашей публикой у меня было и, надеюсь, будет и на этот раз. А о своих впечатлениях я расскажу позже, когда завершатся гастроли.

«Падает снег...». В жаркое московское лето... Сегодня, как и девять зим назад, об этом поет Сальваторе Адамо.

В. КУЧЕРОВ.

Фото В. Киселева.